

Вячеслав Кондратьев

ВЕЛИКАЯ ПАРАГВАЙСКАЯ ВОЙНА

«Боже, ради чего все это? Зачем я здесь?»

*Принц Гастон Орлеанский, граф д'Э,
глядя на поле Битвы детей.*

ПЯТЫЙ РИМ

Вячеслав Кондратьев

ВЕЛИКАЯ ПАРАГВАЙСКАЯ ВОЙНА

ПЯТЫЙ РИМ
МОСКВА
2018

УДК 355/359
ББК 63.3(0)52
К 64

Оформление переплета М. Левыкина

Кондратьев В.

К 64 Великая парагвайская война. — М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2018. — С. 288, ил.

ISBN 978-5-9500936-3-0

В 1864–1870 гг. между Парагваем и коалицией, состоящей из Уругвая, Бразилии и Аргентины разразилась война, которой суждено было стать самым кровавым конфликтом, произошедшим на территории Южной Америки. Для Парагвая поражение в войне обернулось страшными невосполнимыми потерями. Страна понесла такой урон, что была отброшена в развитии на десятки лет назад и не восстановилась до сих пор. Эта книга — фактически самый первый рассказ об этой, практически неизвестной в России, да и во всем Старом Свете войне. Ее автор — известный популяризатор военной истории.

УДК 355/359
ББК 63.3(0)52

ISBN 978-5-9500936-3-0

© Кондратьев В., 2018
© Издательство «Пятый Рим»™, 2018
© ООО «Бестселлер», 2018

ВСТУПЛЕНИЕ

На дорогах истории порой встречаются развилки и перекрестки, определяющие судьбы не только отдельных стран и регионов, но и целых континентов. Прохождение таких узловых точек редко обходится без потрясений и жертв. Если быть точным, не обходится почти никогда, принося современникам тяжкий груз испытаний и горечь потерь, а потомкам оставляя долг поминовения «мучеников прогресса и исторической необходимости», положенных в фундамент современности.

Для Северной Америки таким переломным пунктом стала гражданская война в США, которая выковала из аморфного сообщества полунезависимых государств-штатов ту Америку, которую мы знаем сегодня. Каждый хоть что-нибудь да слышал об этом знаменательном событии. Однако мало кто знает, что свой «перекресток дьявола» был и на Южноамериканском континенте, причем разгорелся этот пожар почти в то же самое время, что и у большого северного соседа.

Речь идет о войне Бразилии, Аргентины и Уругвая против Парагвая 1864–1870 годов. В Аргентине и Уругвае она известна как Война Тройственного альянса — *Guerra de la Triple Alianza*. Бразильцы обычно используют название Парагвайская война — *Guerra da Paraguai*, парагвайцы же именуют события тех лет Великой войной — *Guerra Grande*.

Для парагвайцев это противостояние стало величайшим событием в истории и одновременно — страшной трагедией, опустошившей страну и поставившей ее на грань гибели. Для остальных участников война Тройственного альянса обернулась не столь трагично, но тоже оказалась суровым испытанием.

Жестокий конфликт четырех держав имел для Южной Америки не менее важное значение, чем для Европы — эпоха мировых войн.

По количеству жертв с обеих сторон Guerra Grande по сей день остается самой кровопролитной войной в истории континента. А сформированная в ней расстановка сил и прочерченные по ее результатам границы сохраняются до сих пор, хотя с момента ее завершения прошло уже без малого полтора столетия.

Однако даже сейчас, в цифровую эпоху всеобщего и стремительного доступа к информации, Война Тройственного альянса по-прежнему остается Terra Incognita для отечественного читателя. Грандиозное событие, сформировавшее судьбу целого материка, растворилось и затерялось в тени других, более близких и гораздо лучше освещенных деяний.

Как правило, общее впечатление о войне формируется обрывочными пересказами, причем главным образом — тезисов популярного публициста С. Переслегина, сформулированных давным-давно и с той поры неизменных. В частности:

«... в Парагвае ... орденом Иезуитов была предпринята попытка отказать от концепта национального государства и создать принципиально новую организующую структуру, основанную на взаимной терпимости и идеях прогресса. Эксперимент продолжался более двухсот лет, и к середине XIX столетия Парагвай, первым на латиноамериканском континенте, вплотную подошел к порогу индустриальной эпохи. Именно в этот момент вспыхивает Южноамериканская война (1864-1870). До сих пор не вполне понятно, какие именно силы развязали ее и сделали столь кровопролитной ... По масштабности истребления мирных жителей Южноамериканская война делит первое место с геноцидом, который осуществлял в Бельгийском Конго король Леопольд, и существенно превосходит достижения Адольфа Гитлера». («Опасная бритва Оккама»).

Ну и, разумеется, никак не обходится без «модных» разоблачений происков мирового империализма в лице «англичанки», которая всегда строит козни и творит непотребства.

А что же на самом деле случилось в середине позапрошлого столетия в далекой Южной Америке? Переверни страницу, читатель, и на время забудь о современном мире, а также о порожденных им химерах. Перенесись в далекую пору, когда мир стремительно менялся; когда уголь и пар пришли на смену лошадям, разгоняя прогресс до невиданной скорости; когда один человек на заре своей жизни затепливал от уголька лучину, а к ее закату — зажигал электрическую лампочку.

Нас ждет XIX век...

- 1 -

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА

Война никогда не начинается «просто». Это всегда тяжелое, непростое решение многих участников «процесса», обусловленное сложными и разноплановыми факторами. Парагвайская война не стала исключением, ее породил целый комплекс объективных и субъективных причин. Попробуем же кратко взглянуть на них и оценить их роль.

Первой и наиболее важной объективной предпосылкой, безусловно, следует назвать проблему границ. С них, как правило, начинаются великие потрясения, ведь кто-то всегда считает, что достоин большего и обделен соседями, несправедливо присвоившими себе дары судьбы.

В течение многих лет со времен обретения независимости¹ границы между латиноамериканскими странами не были взаимно согласованы и зафиксированы соответствующими договорами. В частности, Парагвай имел территориальные споры буквально со всеми своими соседями. На целый ряд обширных приграничных областей, которые он изначально считал своими, одновременно претендовали Бразилия, Боливия и Аргентина.

¹ Еще в XVII веке почти вся Южная Америка была разделена между испанской и португальской колониальными империями. В начале XIX века, воспользовавшись ослаблением метрополий в ходе Наполеоновских войн, патриотические силы на континенте подняли восстания против заокеанских правителей. За этим последовали почти два десятилетия национально-освободительных войн, которые в итоге привели к повсеместному изгнанию колонизаторов и образованию целого ряда независимых государств. Парагвай провозгласил независимость одним из первых, в 1811 году.

Ситуация усугублялась отсутствием подробных карт и путаницей географических названий. Порой доходило до абсурда: например, бразильцы и парагвайцы считали, что один из участков границы между их странами проходит по реке Игурей, однако то, что в Парагвае именовали Игуреем, бразильцы называли рекой Вакария, а «настоящий» Игурей, по их мнению, находился гораздо южнее. Парагвайцы же называли «бразильский» Игурей рекой Карапа и были уверены, что она протекает по их территории. В такой ситуации очень легко объявить «своим» что угодно.

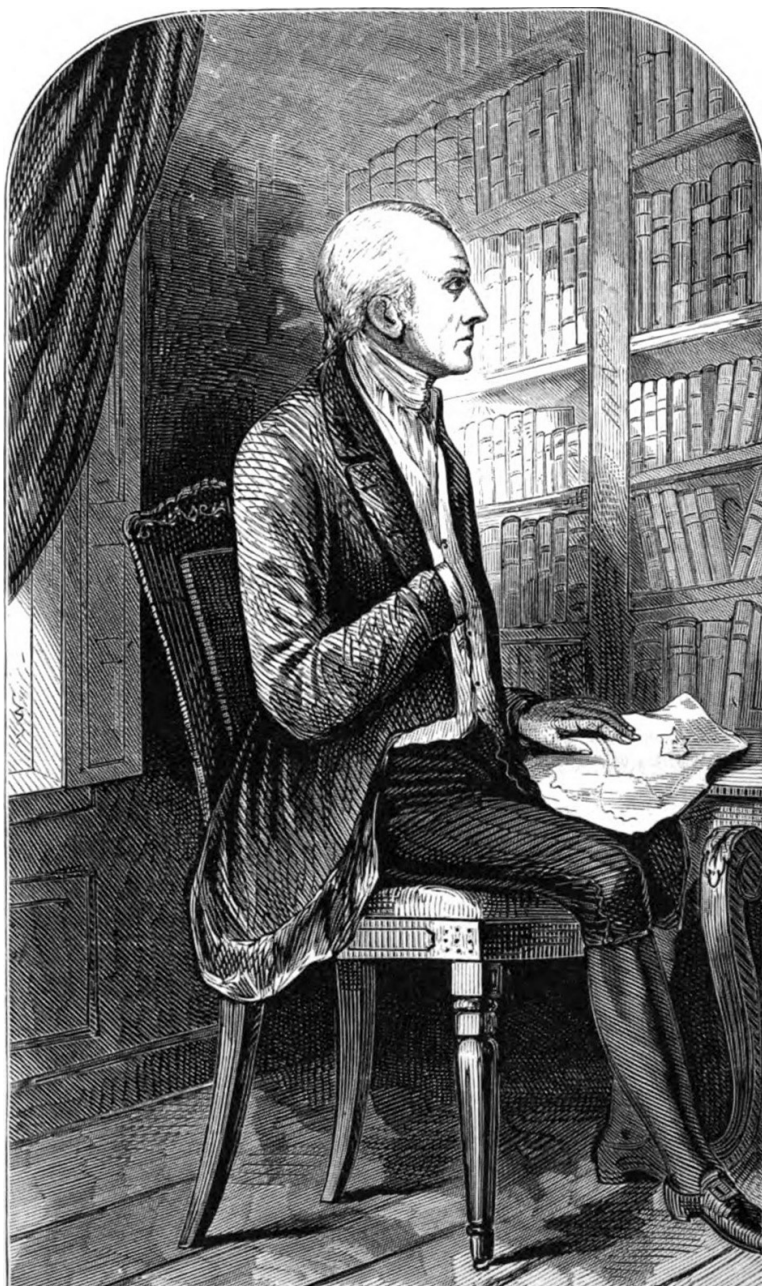
В отсутствие верховного арбитра, способного заставить всех договариваться силой авторитета или оружия, никто не пытался урегулировать территориальные вопросы «пером» — за столом переговоров. Наоборот, все готовились к тому, что рано или поздно их придется решать «мечом», на полях сражений.

Второй, не менее важной предпосылкой войны, стало невыгодное географическое положение Парагвая. Страна, расположенная в самом центре Южной Америки и не имевшая выхода к морю, всецело зависела от аргентинского транзита по реке Парана, по которой осуществлялись все экспортно-импортные поставки. Это была единственная транспортная артерия, связывающая Парагвай с внешним миром, так как границы с Бразилией и Боливией проходили по диким, почти незаселенным местам и бездорожью. Таким образом, для страны контроль над речным путем являлся жизненно важным.

Впрочем, в первые десятилетия независимости Парагвай не слишком тяготился своим положением, поскольку захвативший власть диктатор Франсия ввел режим автаркии, фактически отказавшись от внешней торговли. А нет торговли — нет и забот о транспортировке товаров.

Здесь следует сделать небольшое отступление и рассмотреть поподробнее личность означенного диктатора. Хотя он и не имел прямого отношения к Великой войне, поскольку умер за четверть века до нее, но за время его долгого правления сформировался тот фанатично-жесткий менталитет парагвайцев, который впоследствии позволил им более пяти лет выдерживать натиск многократно превосходящих сил противника.

Хосе Гаспар Родригес де Франсия родился 6 января 1766 года в семье отставного офицера-артиллериста и местной аристократки с индейскими корнями. Получив хорошее образование в Кордовском университете, куда он поступил в 15 лет, Франсия уже

**Хосе Родригес Гаспар Франсия — первый парагвайский диктатор,
единолично правивший страной почти четверть века**

к 20 годам обзавелся дипломом доктора теологии. Однако церковная карьера его не прельщала. Продвинувшись на административном поприще, Франсия в 1809 году занял должность градоначальника (алькальда) Асунсьона — столицы одной из провинций вице-королевства Рио-де-ла-Плата. Помимо Парагвая, в эту огромную колонию входили территории нынешней Аргентины и Уругвая.

В 1811 году Франсия стал генеральным секретарем Верховной хунты, возглавившей Парагвай после изгнания испанского губернатора. Но уже через два года хунта была распущена, часть ее членов — арестована, а все властные полномочия сосредоточились в руках двух консулов — Франсии и Фульхенсио Йегроса. Еще через два года контролируемый Франсией парламент лишил Йегроса полномочий. Франсия стал править единолично, а в 1816 году объявил себя «Постоянным верховным диктатором республики» с практически бесконтрольной и неограниченной властью. В обиходе этот длинный титул обычно сокращали до одного слова «Верховный» — El Supremo. Парламент формально продолжал существовать, однако вплоть до кончины диктатора он не созывался ни разу.

В 1820 году было объявлено о раскрытии обширного заговора против Франсии во главе с Йегросом и бывшими членами хунты. 68 подлинных или мнимых заговорщиков вскоре были расстреляны (Йегрос умер в тюрьме, не дожив до казни), а еще около 400 человек приговорили к пожизненному заключению.

С самого начала правления Франсия укреплял свою диктатуру весьма brutальными — и в то же время изобретательными методами. Контроль за жизнью народа приближался к абсолюту. Многочисленные агенты и осведомители тайной полиции везде выискивали крамолу; процветала система всеобщего доношительства, страну опутывали сети взаимной слежки. Малейшего подозрения в неблагонадежности было достаточно, чтобы без суда бросить человека в тюрьму, отправить на каторгу или лишить имущества и вместе с семьей выслать в глухой отдаленный регион.

Справедливости ради надо заметить, что режим Франсии можно назвать репрессивным, но не кровавым. Массовый расстрел 1820 года был единственным эпизодом подобного рода. А за дальнейшие 20 лет в Парагвае казнили в общем счете менее 100 человек. Даже с учетом того, что население страны тогда составляло около 200 тысяч человек, это не так уж много, особенно по меркам XIX века. Франсия предпочитал не убивать своих врагов, а держать их за решеткой.

Будучи сам весьма образованным, диктатор опасался интеллектуалов и просто начитанных людей. Любого человека с образованием выше начального он подозревал в вольнодумстве, поэтому уже в 1822 году в Парагвае упразднили университет и все средние учебные заведения. Остались лишь те, в которых обучение сводилось к урокам чтения, письма, основ арифметики и идеологической накачке.

Франсия считал, что главной задачей школьного образования является воспитание в детях патриотизма, дисциплины и готовности подчинять свои личные устремления интересам государства. Эти идеи диктатор сформулировал в написанном им «Политическом катехизисе», который использовался в школах в качестве учебного пособия. А чтобы как можно больше людей могли постичь «Катехизис» и другие подобные тексты, начальное образование в Парагвае стало обязательным, правда, только для мальчиков. Таким образом, Франсия, пожалуй, первым в мире понял значение всеобщей грамотности в деле всеохватной индоктринации. И не только понял, но и воплотил это понимание на практике.

Еще одной особенностью правления Франции являлась непримиримая борьба с католической церковью, к которой он, несмотря на свое богословское образование, испытывал острую неприязнь, вероятно, видя в ней конкурента. В 1819 году из страны выслали епископа, назначенного Ватиканом, а на его место Франсия поставил собственного назначенца, присвоив ему титул генерального викария. В 1824 году по его приказу в Парагвае закрыли монастыри, церковные школы, духовные семинарии и запретили деятельность религиозных орденов — решение весьма радикальное и явно демонстрирующее силу власти диктатора, учитывая традиционно важную роль католицизма в Южной Америке. Этим же декретом в стране вводился гражданский брак.

Однако выпады против духовенства простыми запретами не ограничились. Вскоре последовали массовые аресты священников и конфискация церковного имущества в пользу государства. Репрессированное духовенство заменили чиновники в рясах. В итоге церковь Парагвая превратилась в государственную структуру по пропагандистской обработке населения, тесно сотрудничавшую с полицией. Узнав о таких «реформах», папа римский отлучил Франсию от церкви, но «Верховный» не обратил на это никакого внимания.

Попутно в том же 1824 году были ликвидированы органы народного самоуправления, а вся власть на местах перешла к правительственным чиновникам, обретя жесточайшую централизацию. В 1826 году под запрет попали общественные организации, а также собрания, шествия и любые другие публичные мероприятия, кроме организованных властями.

Во внешней политике Франция, как уже говорилось, придерживалась принципов изоляционизма и опоры на собственные силы. Экспортно-импортные операции и контакты с иностранцами постепенно свелись к нулю, зато всячески поощрялось внутреннее производство. Как будто повторяя японский опыт самоизоляции от «иноземных варваров» и торговли с ними лишь через порт Нагасаки, в Парагвае с 1823 года для внешней торговли был открыт единственный портовый городок Итапуа, стоявший на пограничной с Бразилией реке Парана. Вести эту торговлю могли лишь его постоянные жители, получившие специальные правительственные лицензии, в которых указывалось, что данному гражданину разрешено торговать с иностранцами, поскольку он — «добрый слуга отечества и всецело предан святому делу свободы». В 1829 году закрылась и эта отдушина, а «железный занавес» вокруг Парагвая стал полностью непроницаемым.

Пересечение границы в обоих направлениях требовало личного разрешения диктатора, получить которое было почти невозможно. А попытки самовольно покинуть страну приравнялись к государственной измене и карались смертной казнью.

Иностранцам, которые оказывались в Парагвае без въездных документов, тоже приходилось несладко. Широкий международный резонанс получила история знаменитого французского ученого — географа и ботаника Эме Бонплана. В 1821 году, путешествуя по Южной Америке, он заехал на приграничную с Парагваем и почти безлюдную в те времена территорию аргентинского штата Корьентес. Бонплан не знал, что Парагвай считал эту территорию своей, и жестоко поплатился за неосведомленность. Вскоре ученый был схвачен парагвайскими солдатами, под конвоем доставлен в Асунсьон, там — обвинен в шпионаже и приговорен к пожизненному заключению в военном форте Санта-Марта.

С личными просьбами об освобождении Бонплана к Франции неоднократно обращались многие европейские и американские политики, ученые и общественные деятели, включая лидера борьбы

за независимость Южной Америки Симона Боливара. Однако диктатор лишь через девять лет благоволил помиловать и отпустить пленника.

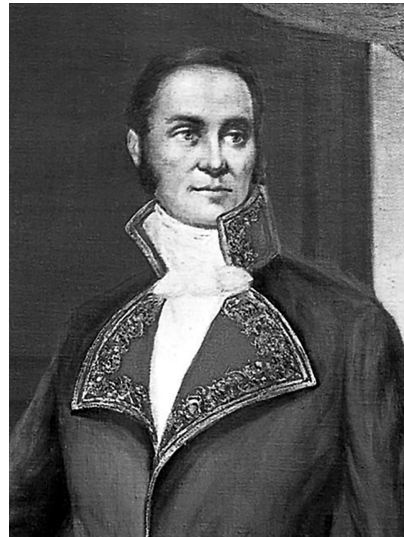
Парагвайцам запрещались не только заграничные поездки, но и международная переписка, а также — ввоз в страну любой печатной продукции, за исключением книг, предназначенных для персональной библиотеки тирана.

Картину довершало отсутствие дипломатических отношений и консульских связей с какими-либо государствами. Некоторое время в Асунсьоне находился бразильский консул, однако в 1829 году его депортировали одновременно с прекращением торговли в Итапуа.

Перемещения людей внутри страны тоже находились под строгим контролем: ни один парагваец не имел права сменить место жительства без разрешения властей, даже если его жилье представляло собой тростниковую хижину. Для совершения поездок между городами требовались специальные пропуска.

Более того, официальное разрешение властей требовалось для женитьбы, причем проживавшим в стране потомкам испанских колонистов разрешалось вступать в брак только с представителями местных индейских племен. Таким способом El Supremo намеревался полностью ассимилировать испанский этнический элемент, создав единый интернациональный парагвайский народ. И в значительной мере это ему удалось.

Экономика Парагвая при Франсии основывалась на централизованном планировании и государственной собственности на средства производства. То есть, по сути, «Верховный» за столетие до большевиков успешно организовал нечто вроде «социализма в отдельно взятой стране». В Советской России эта доктрина была сформулирована и принята в качестве политической программы лишь в 1925 году.

**Фульхенсио Йегрос —
соратник и жертва Франсии**

Еще на заре своего правления Франсия «раскулачил» всех крупных землевладельцев, сосредоточив в своих руках 98% плодородных земель и пастбищ. Впоследствии на этих территориях были созданы 64 крупных казенных сельхозпредприятия с прикрепленными к ним работниками, официально названные «поместьями родины». Они работали по спускаемым сверху планам и разнарядкам, поставляя свою продукцию государству по государственным закупочным ценам. В дальнейшем эта продукция централизованно распределялась среди населения в соответствии с установленными нормами.

Также существовали крестьяне-единоличники, работавшие на землях, арендованных у государства за символическую плату. Но и они были обязаны выращивать то, что прикажут, сдавая часть урожая в госфонд, а остальное — продавать на рынках по ценам не выше установленного максимума. За тем, чтобы никто не пытался торговать дороже, следили осведомители. Аналогичным образом была организована деятельность промышленных мануфактур, мастерских и ремесленных артелей.

На стройках и иных тяжелых работах, а также в сельском хозяйстве использовался принудительный труд негров-рабов и заключенных. Франсией был введен институт «государственного рабства». При конфискации собственности латифундистов у них изымали не только земли, скот и хозяйственные постройки, но и примерно тысячу чернокожих невольников — мужчин и женщин. Эти люди и их дети не получили свободу, а продолжали официально считаться рабами, только уже не частных лиц, а государства. Впрочем, их материальное и общественное положение не сильно отличалось от положения большинства парагвайцев.

Как и положено приличному диктатору, в личной жизни Франсия исповедовал демонстративный аскетизм. Он одевался в простое платье, питался умеренно, не пользовался дорогими вещами, не принимал подарков, не строил себе дворцов и отказался получать денежное жалованье, которое ему, впрочем, и не требовалось, поскольку все в стране фактически и так принадлежало ему.

Таким образом, выдающийся (без всяких оговорок, ибо рядовой человек не смог бы провести и малой доли вышеназванных реформ) диктатор создал странную и причудливую державу, в которой прото-социализм соседствовал с жутковатой деспотией в стиле Блистательной Порты, где все, от последнего нищего до верховного визиря, фактически были рабами султана.

Принято считать, что в народе Франсия пользовался непрерываемым авторитетом и искренней любовью. Вполне вероятно, что именно так и было, учитывая, что целое поколение парагвайцев выросло в условиях изоляционизма и тотальной индоктринации. Эти люди не представляли себе иного существования, кроме размеренной жизни под мудрой и заботливой властью диктатора, а о гражданских правах и свободах они просто не имели понятия.

Кроме того, рядовой парагваец действительно вел упорядоченную и относительно сытую жизнь, избавленную от «капризов рынка», нередко создававших большие потрясения и в куда более развитых странах. А всеобщее образование, пусть и в крайне усеченном виде, являлось очень прогрессивной новинкой. «Верховный» многое забрал у своих поданных, однако, нельзя сказать, что ничего не дал им взамен.

Так или иначе, в официальную историю Парагвая Франсия вошел как «отец нации» и «великий вождь». Но ничто не длится вечно. Эпоха «доктора Гаспара» закончилась 20 сентября 1840 года, когда 74-летний тиран умер, по официальной версии — от пневмонии, простудившись во время речной прогулки.

Франсия мог с полным правом считать, что его жизнь удалась. El Supremo умер, скорее всего, естественной смертью, в очень преклонном возрасте, видя воочию результаты своих трудов.

Но каковы же в действительности оказались плоды диктатуры? Можно сказать, что за время его правления Парагвай был наглухо «законсервирован», а подавляющее большинство его жителей — низведено до положения рабочих муравьев. Эта «консервация» проявлялась даже во внешнем облике правителя. Всю жизнь он носил одежду и обувь одного фасона времен его молодости и заплетал волосы в косу с лентой по давно ушедшей моде.

После смерти тело «Верховного» забальзамировали и выставили в кафедральном соборе Асунсьона для прощания с народом. Лишь через месяц в этом же соборе состоялись торжественные похороны. Интересно, что в 1845–1854 годах храм был капитально реконструирован, а фактически — снесен и построен заново, по новому проекту. В ходе реконструкции саркофаг Франсии непонятным образом исчез, и сейчас никто не знает, где покоятся останки первого великого диктатора Латинской Америки.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЛОПЕСА

После смерти не оставившего наследника «отца нации» власть ненадолго перешла к воссозданной хунте, а затем ее получил племянник Франсии Карлос Антонио Лопес, повторивший за четыре года карьеру своего дяди (член хунты — консул — диктатор), и ставший владыкой Парагвая на следующие 19 лет.

Лопес значительно ослабил режим автаркии и начал восстанавливать разорванные международные связи, а чтобы не выглядеть слишком одиозно в глазах мирового сообщества, он амнистировал большинство политзаключенных и поначалу старался придать своему режиму видимость легитимности. Созванный им в 1844 году Национальный конгресс, состоявший из специально подобранных депутатов, принял первую парагвайскую конституцию, в которой был прописан принцип разделения властей и равенства граждан перед законом, а также утвержден пост избираемого конгрессом президента с десятилетним сроком полномочий.

Разумеется, президентом на безальтернативной основе избрали Лопеса. В 1854 году он переизбрался на новый срок, а еще через два года издал закон, сделавший его власть пожизненной.

При Лопесе развитие страны сдвинулось с мертвой точки, а «железный занавес» приподнялся. Парагвай возобновил экспорт своих традиционных товаров — табака, древесины, продуктов животноводства и чая мате. Взамен он получал заводские изделия, как бытовые, так и промышленного назначения, позволившие начать модернизацию страны.

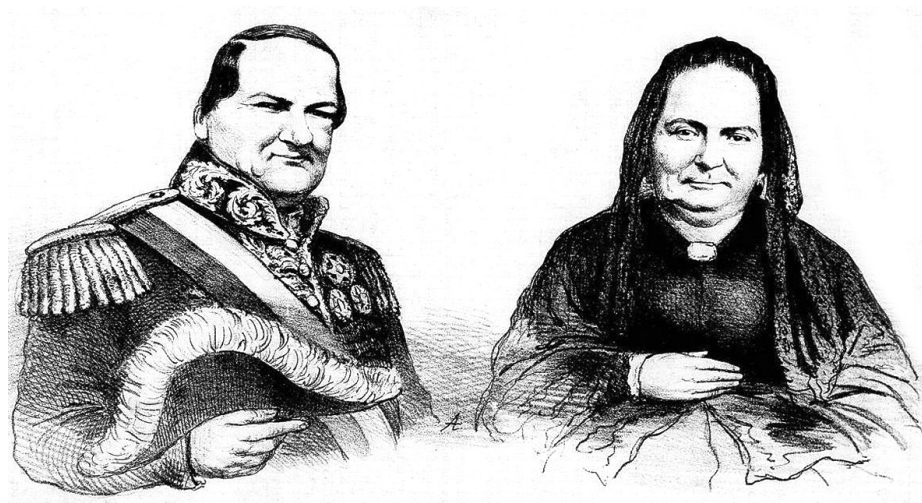
Благодаря Франсии в Парагвае к середине 1840-х годов не осталось ни одного дипломированного инженера, врача, ученого, да и вообще ни одного человека с высшим образованием, кроме пожи-

лых людей, получивших его еще в колониальную эпоху. Поэтому Лопес начал приглашать специалистов из Европы.

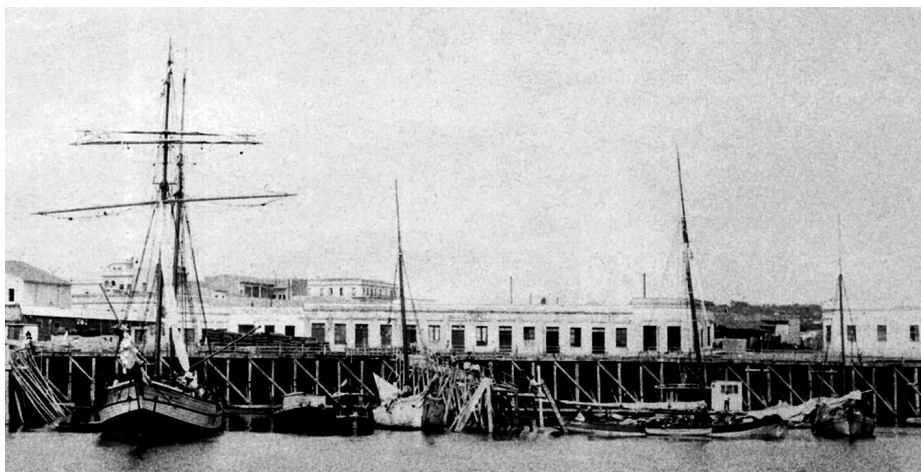
Под их руководством развернулось строительство промышленных объектов, среди которых наибольшее значение имел вступивший в строй в 1850 году литейно-механический завод «Ла Росада» в городке Ибикуи — первое в стране относительно крупное металлургическое предприятие. Его спроектировали британские инженеры Уайтхед, Ньютон, Хантер и ряд других. Они же впоследствии заняли на заводе все руководящие должности.

Завод выпускал широкий ассортимент изделий — от пушек, ядер и пуль до гвоздей, подков, сельскохозяйственных орудий и металлической посуды. Правда, техническое оснащение «Ла Росады» было довольно бедным. Там не имелось ни одной паровой машины, а единственное водяное колесо приводило в действие мехи для наддува доменной печи. Все остальные станки и агрегаты, как встарь, работали от мускульной силы. Впрочем, учитывая сложность переоснащения и дешевизну ручного труда, это считалось вполне приемлемым.

С 1855 года построенная под руководством английских инженеров Асунсьонская судовой верфь начала спускать на воду парусно-паровые суда с импортными двигателями. Одновременно шли

Первый президент и второй диктатор Парагвая Карлос Антонио Лопес и его жена Хуана Паола Каррильо Лопес

Причал Асунсьонского речного порта

Центральная таможня и казематная береговая батарея, построенные в Асунсьоне при Карлосе Антонио Лопесе.

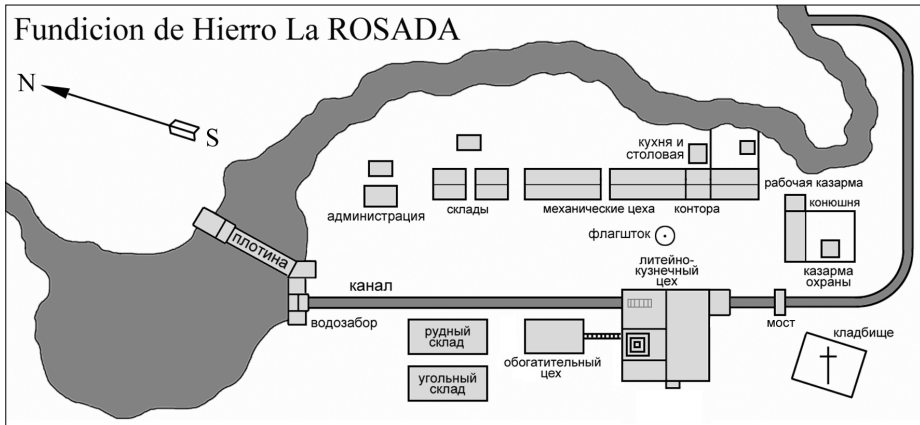
работы по расширению и реконструкции столичного арсенала — главного оружейного завода страны. Открывались кожевенные, бумажные, табачные и ткацкие фабрики, швейные мастерские, пороховые мельницы, деревообрабатывающие и кирпичные заводы.

Полковник Франсиско Фернандес (сидит в центре) с группой английских инженеров, работавших в Парагвае

С апреля 1845 года начала издаваться первая в стране газета «Независимый Парагвай». В 1852-м она стала выходить регулярно, раз в неделю, и была переименована в «Еженедельник» — «Эль Семинарио». В том же году Парагвай стал чеканить собственные деньги (раньше в стране ходили колониальные и аргентинские монеты), а в 1856 году, в связи с расширением внутреннего рынка, были введены в обращение бумажные банкноты.

Лопес понимал, что без образованной национальной элиты современное государство не построишь, однако давать полноценное образование широким слоям населения он так и не решился. Вместо этого два десятка молодых людей отправились на обучение в Европу. Разумеется, это были отпрыски аристократических семейств из окружения диктатора, которых он отбирал лично. Среди них был и сын самого президента 25-летний Франсиско Солано Лопес, прибывший в 1852 году во Францию в ранге «уполномоченного министра». Там он прошел курс обучения в офицер-

План металлургического завода «Ла Росада» в Ибикуи

ской школе Сен-Сир, попутно став горячим поклонником и подражателем императора Луи Наполеона.

В 1855 году Франсиско вернулся в Парагвай, привезя не только багаж знаний и бонапартистские взгляды, но и 22-летнюю подружку-ирландку Элизу Линч, с которой он познакомился в одном из парижских салонов. Впоследствии Линч стала его гражданской супругой и родила ему шестерых детей.

Однако не будем забегать вперед. Развитие продолжалось, и 1856 год ознаменовался началом строительства первой в Парагвае железной дороги. Рельсы, вагоны и локомотивы заказали в Англии на фирме «Блит» (Blyth), а для проектирования и руководства строительством оттуда же выписали за хорошую плату инженера Джорджа Пэддисона.

В разработке и реализации проекта принимали участие ранее прибывшие в Парагвай английские специалисты — архитектор Альфонс Тэйлор и инженер Перси Баррел, а также итальянец Энрике Вальпи. По проекту Тэйлора в Асунсьоне построили величественное здание вокзала «Сан-Франсиско» с крытыми платформами, колоннадами и ажурными башенками. На время он стал крупнейшим вокзалом Латинской Америки.

В июне 1861 года первый состав отправился из «Сан-Франсиско» на станцию Тринидад, расположенную в 12 километрах от Асунсьона. Как писала газета «Семинарио», в честь этого выдаю-

щегося события были устроены игры, танцы, маскарад и коррида. В следующем году линию продлили еще на 13 километров до городка Арегуа, а осенью 1864 года открылась станция Парагуари, после чего строительство надолго заморозили в связи с войной. К тому моменту протяженность железной дороги достигла 72 километров.

От сказанного может создаться впечатление, что при Карлосе Антонио Лопесе Парагвай быстро превращался в передовую державу. Подобного мнения придерживаются некоторые авторы, склонные идеализировать этого диктатора. Вот, к примеру, цитата из книги Максима Калашникова и Юрия Крупнова «Гнев орка», почти дословно переписанная Юрием Нерсесовым в статье «Геноцид во имя демократии»:

«Что представляет собой сегодняшний Парагвай? Нищее захолустье даже по латиноамериканским меркам. А ведь к 1862 году эта страна была самой развитой страной Южной Америки. (...) Латиноамериканские режимы всюду воровали, сменялись в переворотах, брали взятки и грабили собственные народы. Но только одна страна стояла особняком: гордый Парагвай — там стала развиваться индустриальная цивилизация. (...) Стараниями Франсиско Солано Лопеса (на самом деле речь должна идти о Карлосе Антонио Лопесе, — прим. авт.) Парагвай превратился в самую передовую страну Латинской Америки. Он полностью

Современный вид руин завода. На переднем плане — мост через водоотводный канал, на заднем — развалины литейно-кузнечного цеха

обеспечивал себя тканями, бумагой, стройматериалами, оружием и боеприпасами. Действовала одна из первых в Южной Америке железных дорог, работала телеграфная связь, национальная валюта была устойчивой, как ни в одной другой латиноамериканской стране».

Выглядит красиво и пафосно, однако никто из адептов этой концепции не подкрепляет ее статистическими выкладками, а они показывают совсем иную картину.

Как известно, одним из наиболее объективных интегральных критериев экономического развития государства является его валовой национальный доход (ВНД), а также — национальный доход на душу населения. Посмотрим, каким был в 1860 году национальный доход Парагвая и его соседей, с которыми он четыре года спустя вступил в войну. Цифры взяты из монографии аргентинского историка Диего Абенте «Война Тройственного альянса», опубликованной в 1987 году в альманахе *Latin American Research Review*.

В 1860 году ВНД Парагвая был эквивалентен 314 260 британским фунтам, Бразилии — 4 392 226, Аргентины — 1 710 324 и Уругвая — 870 714 фунтам. Таким образом, по величине национального дохода Парагвай отставал от Бразилии в 14 раз, от Аргентины — в 5,5, а от Уругвая — в 2,8 раза.

Подсчет среднедушевого национального дохода Парагвая сильно затруднен тем, что до сих пор нет единого мнения о количестве жителей этой страны на рубеже 1850-60 годов. При этом разброс оценок огромен — от полумиллиона до почти полутора миллионов человек. Но даже если взять минимальную цифру, чтобы показатель принял наиболее выгодное для Парагвая значение, то получится, что на душу среднестатистического парагвайца в 1860 году приходилось всего 0,63 тогдашних фунта стерлингов.

При этом на среднестатистического уругвайца приходилось 4,83 фунта, на аргентинца — 1,01, а на бразильца — 0,55. Следовательно, по среднедушевому доходу от Парагвая немного отставала только Бразилия, однако она все равно колоссально опережала его в абсолютном выражении за счет почти 20-кратного превосходства в численности населения (в 1860 году в Бразильской империи проживало около девяти миллионов человек).

Таким образом, можно сказать, что Парагвай, безусловно, сделал внушительный шаг вперед, однако никакого экономического лидерства не добился. Даже без последующих потрясений стране

требовались еще многие годы развития для выхода на передовые позиции.

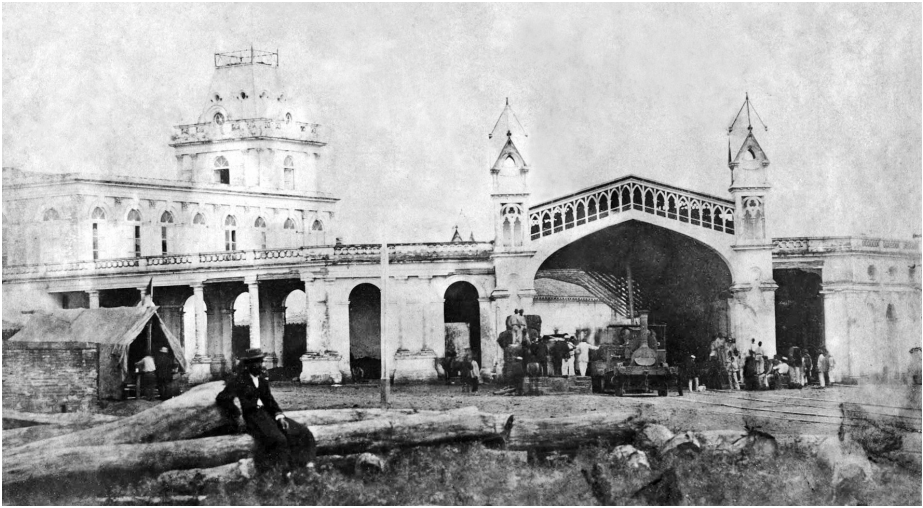
Еще один критерий — объем внешней торговли. У Парагвая в 1860 году он составлял 560 392 фунта стерлингов, у Бразилии — 23 739 898, у Аргентины — 8 921 621, а у Уругвая — 3 607 711. Несложно подсчитать, что, Бразилия превосходила Парагвай по этому показателю в 42 раза, Аргентина — в 16 раз, а Уругвай — 6,4 раза. Как говорится, комментарии излишни, плоды самоизоляции Франции — налицо.

Перейдем к частностям. Накануне войны с соседями вся парагвайская металлургия, по сути, сводилась к единственному заводу «Ла Росада». Между тем, только в столице Аргентины Буэнос-Айресе к 1850 году действовали два металлургических предприятия. В Бразилии уже в 1830 году работали литейно-механические заводы в Байе, Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро, а в дальнейшем было открыто еще несколько, в том числе крупный сталеплавильный завод в Понта-да-Арее.

Заявление о том, что в Парагвае действовала одна из первых на континенте железных дорог, требует уточнения — а из какого количества «первых»? Известно, что на Кубе железнодорожное

**Реконструкция водяного колеса завода «Ла Росада»,
приводившего в действие мехи для доменной печи**

**Железнодорожный вокзал «Сан-Франсиско» в Асунсьоне.
На момент открытия — самый крупный вокзал в Южной Америке**

сообщение открылось еще в 1837 году, в Гайане — в 1848, в Перу и Чили — в 1851, в Бразилии — в 1854, в Аргентине — в 1857, а в Парагвае — в 1861 году. То есть, по срокам его открытия Парагвай находился на седьмом месте в Латинской Америке и на третьем — среди своих ближайших соседей. Уместно ли тут выражение «одна из первых» — вопрос риторический.

Бесспорно, Карлос Антонио Лопес настойчиво и довольно успешно (с учетом очень «низкого» старта) выводил страну из экономического тупика, заметно сократив ее отставание от соседних держав. Однако в политической и общественной жизни при нем почти ничего не изменилось. Парагвай оставался закрытым тоталитарным государством, в котором конституция существовала лишь на бумаге, а диктатор обладал фактически безграничной властью. Пропагандистская обработка населения при Лопесе не ослабла, а даже усилилась, поскольку, помимо школ и церквей, к ней подключили прессу. При этом продолжали действовать запреты на частную издательскую деятельность и на ввоз зарубежных печатных изданий.

Также не были отменены запреты на пересечение границ и на контакты с иностранцами, хотя с прибытием в страну более 200

специалистов из Европы (причем некоторые приехали с семьями) соблюдать второе ограничение стало гораздо труднее. Однако вопрос решили, прикрепив к заграничным инженерам, техникам, врачам и агрономам — агентов службы безопасности. Официально они считались охранниками и переводчиками, но, помимо этого, в их задачу входило пресечение общения «подопечных» с местными жителями на любые темы, кроме профессиональных.

По-прежнему в стране работали лишь начальные школы, где мальчиков два года учили патриотизму, дисциплине и любви к президенту, причем патриотизм был густо замешан на ксенофобии, а любовь к вождю носила почти религиозный характер.

Постоянная «промывка мозгов» в сочетании с информационной блокадой успешно продолжили дело Франции. Они окончательно превратили парагвайцев в фанатичных приверженцев диктатора, восторженно приветствующих каждый его шаг и убежденных, что все соседи Парагвая — примитивные злобные дикари, завидующие процветанию страны и мечтающие ее поработить.

Одно из главных отличий Лопеса от Франции состояло в том, что первого парагвайского диктатора заботила только его личная власть внутри страны. Он не думал о внешней экспансии и не готовился к ней. У Лопеса же возникли планы расширения границ и превращения Парагвая в великую державу.

Он понимал, что для этого ей необходим выход к морю, а чтобы его получить требовалось взять под контроль реку Парана вплоть до ее впадения в Атлантический океан. Как уже говорилось, река на этом участке протекает по аргентинской территории, от которой Аргентина, естественно, отказываться не собиралась. Следовательно, осуществить замысел Лопеса можно было только силой оружия.

-3-

ШТЫКИ И КОПЬЯ ГУАРАНИ

Параллельно с идеологической подготовкой к войне Лопес принял меры по усилению и модернизации армии. При Франсии вооруженные силы Парагвая были довольно слабыми, их общая численность не превышала пяти тысяч человек, вооруженных устаревшими кремневыми ружьями и холодным оружием. При его преемнике картина радикально изменилась. Армии стало уделяться первоочередное внимание, а ее финансирование резко увеличилось благодаря доходам от внешней торговли.

В 1845 году в Парагвае появилось очередное прогрессивное нововведение — всеобщая воинская повинность, позволившая создать крупный подготовленный резерв и при необходимости поставить под ружье значительную часть мужского населения.

Постоянный состав армии также возрос. К началу 1860-х годов она включала в себя восемь пехотных батальонов общей численностью 4084 человека, пять кавалерийских полков численностью 2522 человека и два артиллерийских полка, в которых служило 907 человек.

Штатный состав пехотного батальона насчитывал 800 солдат и офицеров, кавалерийского полка — 500 и артиллерийского — 450. Таким образом, пехотные части в мирный период были укомплектованы по неполному штату.

Пехотный батальон состоял из семи рот: пяти линейных, одной гренадерской и одной стрелковой, вооруженной нарезными ружьями и ведущей бой рассыпным строем. Кавалерийский полк делился на три эскадрона. Особняком стояли два элитных эскадрона: драгунский «Ака Вера» (Aca Vera) и кирасирский «Ака Карайя» (Aca Caraya) численностью по 250 человек, составлявшие личную гвардию президента.

Самым старшим воинским званием в Парагвае был коронель — полковник. Вплоть до начала Великой войны парагвайская армия обходилась без генералов, что вполне логично, учитывая ее численность.

Из расчета на мобилизационное развертывание в стране были созданы значительные запасы оружия. В 1852 году по личному приказу Лопеса в Великобритании закупили 20 тысяч капсюльных пехотных мушкетов «Энфильд Тауэр» образца 1842 года и несколько тысяч кавалерийских карабинов той же марки. Эти карабины и мушкеты, заменившие старые кремневые ружья, стали основой стрелкового вооружения парагвайских войск.

Кроме того, во второй половине 1850-х годов для кавалерии и стрелковых рот приобрели 3000 нарезных карабинов системы Минье, выпущенных английской фирмой «Уиттон энд Доу» (Witton & Dow). Эскадроны президентской гвардии, помимо сабель и пик, имели на вооружении британские нарезные карабины Тернера, отличавшиеся высоким качеством изготовления. Их было куплено, по разным данным, от 300 до 400 штук.

Артиллерийский парк парагвайской армии состоял из примерно 400 пушек, гаубиц и мортир различных калибров. Артиллерия делилась на легкую — полевую и тяжелую — крепостную. Все орудия были дульнозарядными и гладкоствольными. Среди них встречались как относительно современные, отлитые в XIX веке, так и совсем древние, еще времен Конкисты. Также у парагвайцев имелось несколько батарей боевых и сигнальных ракет системы Конгрева.

Почти вся долговременная фортификация Парагвая при Карлосе Антонио Лопесе была сконцентрирована в одном месте. Чтобы обезопасить столицу и глубинные районы страны от втор-

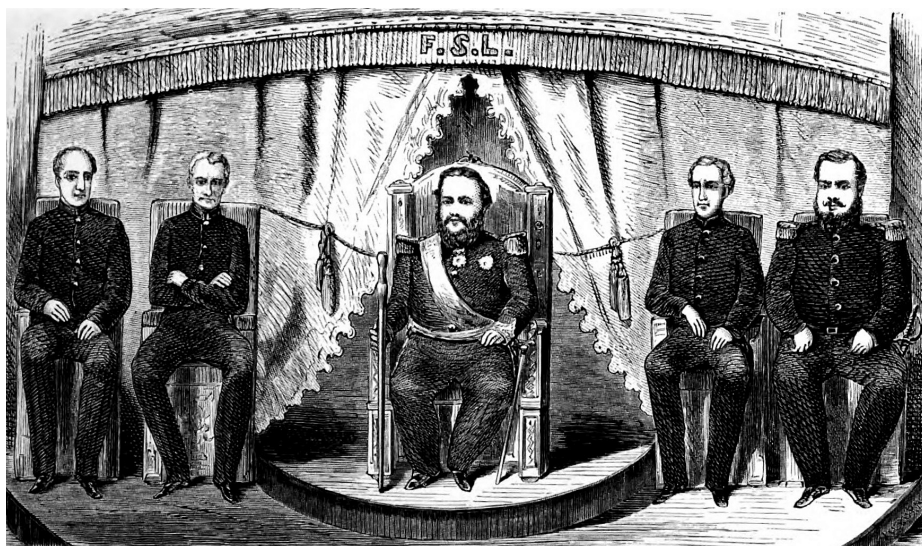

**Второй президент Парагвая
Франсиско Солано Лопес**

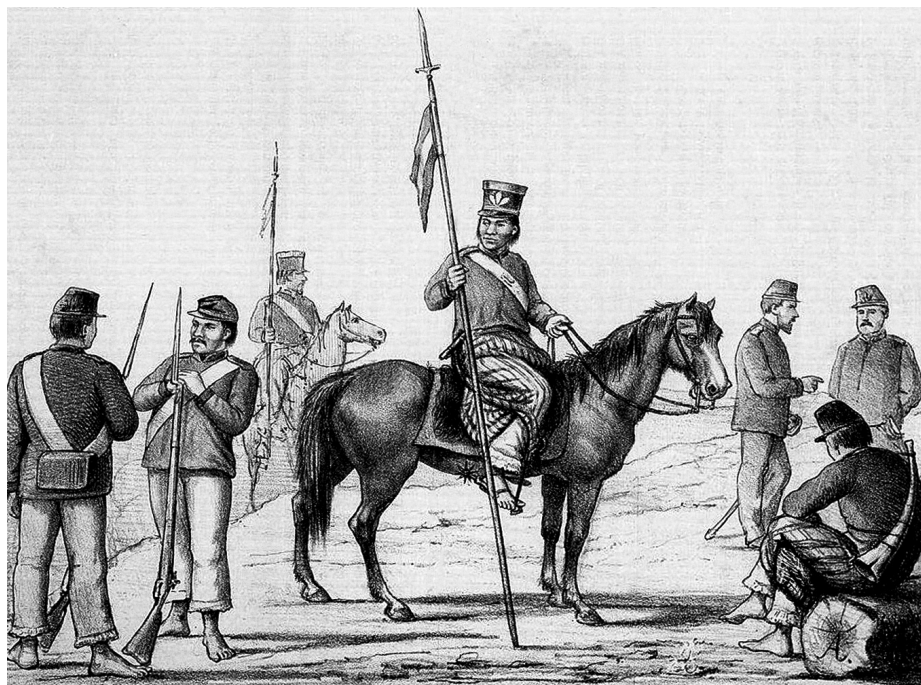
жения по реке Парагвай, в 1854 году вокруг прибрежного поселка Умаита началось строительство одноименной крепости с мощными береговыми батареями. Крепость располагалась примерно в 200 километрах к югу от Асунсьона и в 25 километрах к северу от слияния рек Парана и Парагвай, по которым проходили южная и западная границы Парагвая.

В районе Умаиты река Парагвай делала крутой изгиб, одновременно сужаясь до 200-300 метров. На внешней стороне этого изгиба по проекту австрийского военного инженера Франца Визнера де Моргенштерна парагвайские рабочие возвели восемь батарей. Их секторы обстрела полностью перекрывали реку на протяжении трех километров. Большинство батарей были полуоткрытыми, барбетного типа, часть из них — с кирпичной облицовкой брустверов.

Однако наиболее сильная и хорошо защищенная батарея «Лондрес» представляла собой полностью закрытый кирпичный каземат, в котором стояли две 68-фунтовые, две 56-фунтовые и 12 32-фунтовых пушек. Передняя стенка каземата толщиной более

Высшее руководство Парагвая в 1864 году. Слева направо: глава государственного казначейства Мариано Гонсалес, вице-президент Доминго Франсиско Санчес, президент Лопес, министр иностранных дел Хосе Бергес и брат президента Венансио Лопес

Обмундирование парагвайских пехотинцев и кавалеристов середины 1860-х годов. Солдаты всех родов войск носили красные рубахи навыпуск и штаны из беленого полотна. Зачастую вместо штанов либо в дополнение к ним надевали традиционные набедренные повязки индейцев-гуарани из плотной полосатой ткани, иногда — с бахромой. В качестве головных уборов применялись черные кожаные кивера-шако, опоясанные лентой цветов национального флага, реже — матерчатые кепи. Обувь в тогдашней парагвайской армии полагалась только офицерам

двух метров с расширяющимися наподобие воронок амбразурами выдерживала попадания снарядов корабельных орудий любых калибров. Свое название (Лондрес по-испански — Лондон) батарея получила за то, что ее спроектировал, а позже — возглавил английский наемник Джордж Томпсон, получивший в парагвайской армии звание полковника.

Приведем список береговых батарей Умаиты (слева — название, справа — количество орудий):

«Лондрес» — 16;
 «Октавия» — 11;
 «Командансия» — 5;
 «Коимбра» — 3;
 «Такуари» — 6;
 «Маэстранца» — 11;
 «Умаита» — 2;
 «Кадена» — 18;

Кроме них, вдоль берега, за земляными обваловками стояли по отдельности еще 12 пушек, так что общее количество стволов, стерегущих фарватер, достигало восьмидесяти четырех. Но артиллерией дело не ограничивалось. Моргенштерн предусмотрел возможность блокирования реки цепными заграждениями. По его проекту между берегами были уложены на дно три массивные железные цепи. В мирное время они не мешали судоходству, но при необходимости их можно было натянуть, вращая кабестаны, установленные в крепости. Тогда цепи поднимались до уровня воды, полностью перекрывая фарватер. Противоположные концы цепей крепились к трем толстым деревянным сваям, вкопанным в землю на другом берегу.

Стрелковое оружие парагвайских солдат времен Великой войны. Сверху вниз: кремневый мушкет «Браун Бесс», капсюльный кавалерийский карабин «Энфильд» и капсюльное пехотное ружье той же фирмы